

Новиков Александр

Птица феникс

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.4
ББК 84-4
Н73

Н73 **Новиков Александр**
Птица феникс / Новиков Александр – М.: Книга по Требованию, 2012. –
83 с.

ISBN 978-5-458-04339-7

ISBN 978-5-458-04339-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Андрей Константинов
Александр Новиков
Птица Феникс

«Вчера, около 9 часов утра, возле офиса ЗАО „Феникс“ на Казанской улице, был убит генеральный директор этой фирмы Николай Образцов. Стрелок, которому удалось скрыться, сделал всего один выстрел. Пуля попала жертве в голову, Образцов погиб мгновенно. Представители правоохранительных органов воздерживаются от комментариев, намекая только, что известный в городе бизнесмен мог быть убит в результате криминальных разборок».

«Биржа новостей» 07.07.2000

Глава первая

СВЕЧА НА АСФАЛЬТЕ

Была середина июля... тепло и дождливо. Именно из-за дождя сорвалась очередная попытка Купцова замуровать «огневую точку» в заборе. Леня считал, что после истории с покушением он эту тему дожмет наконец-то. Но Брюнет легкоизменно махнул рукой и сказал, что снаряд, мол, дважды в одну воронку не попадает... и вообще, мол, куст шиповника только украшает забор. Потом Брюнет уехал отдыхать в Ниццу. Петрухин посмеялся, а Купцов всыпил:

– Да что же это такое, в конце концов? – сказал он. – Это что же, мне надо? Раздолбайство и безответственность полная. Хуже, чем в ГУВД.

– Ну это ты загнул, – сказал, посмеиваясь, Петрухин. – Плонь, Леня... пойдем, пивка попьем.

Купцов на это ничего не ответил. Пошёл к завхозу и стал его воспитывать: Голубков, мол, велел к его возвращению решить вопрос с дырой в заборе. Кровь из носу!

– А как же, – сказал завхоз бодро. – Закроем вопрос.

И, конечно, ничего не сделал. Когда до возвращения Брюнета осталось два дня, Ленчик наехал на завхоза беспредельно. И – бывают все-таки чудеса! – в тот же день возле злосчастного аппендицса в заборе появилась тележка с кирпичом, цементом и почти трезвым каменщиком. Каменщик выкурил сигарету «Прима», поплевал на брезентовые рукавицы и начал месить раствор...

Купцов воодушевлено потирал руки. – А ты че, начальник, над душой у меня стоять будешь? – спросил каменщик. – Не видал никогда, как стенку ложут?

Купцов засмеялся, сказал, что как «ложут», не видал. Но над душой стоять все равно не будет.

– Ложи, как для себя, – напутствовал он каменщика и удалился, декламируя: «Каменщик, каменщик в фартуке белом. Что ты там строишь? – Тюрьму».

...А чудес все-таки не бывает! Спустя пять минут после того, как Купцов ушел, хлынул ливень. Мудрый каменщик решил, что мокнуть под дождем совсем не обязательно, и спрятался в офисе. Когда спустя сорок минут он вернулся, тележки с кирпичом, раствором и рукавицами уже и след простыл. Купцов сказал:

– Да-а... ложут, голубь ты мой, только болт. Все остальное кладут... Видно, не судьба.

Петрухин ничего не сказал, но пришел в дикий восторг и долго

смеялся, повизгивая и хлопая себя по ляжкам. Потом ушел с каменщиком пить пиво. Уходя, поинтересовался:

— Сам будешь это преступление века расследовать или в милицию обратишься?

— Не судьба, видно, — задумчиво сказал Купцов.

Так и остался «приют одинокого киллера» незамурованным. Посередине буйно цвел куст шиповника.

Впрочем, к нашему повествованию это никакого отношения не имеет.

...Была середине июля, тепло, зелено и дождливо. Курс доллара медленно падал. Ленэнерго грозило отключением неплатильщиков, а транспортники обещали поднять стоимость проезда в общественном транспорте. Злая прокуратура терзала бедного Гуся, а гордый Гусь бился за свободу слова бескомпромиссно... Вот он какой! Не Гусь прямо, а Буревестник. Впрочем, для нашего повествования это все не очень важно. Это просто некий фон, на котором летом двухтысячного произошли события, легшие в основу нашей повести.

Итак, поехали. В тот самый вечер, когда питерский бизнесмен Голубков вернулся с Лазурного берега, Петрухин позвонил бывший сослуживец и попросил о встрече.

Костя Зеленков за пять лет, что Петрухин его не видел, практически не изменился. Он все так же напоминал голодного кота, который высматривает, что бы такое украсть. Все так же он задумчиво поглаживал свои рыжеватые усы...

С Зеленцовым Петрухин когда-то работал в одном отделе. Потом Костя ушел в охрану некоего бизнесмена. С тех пор их пути не пересекались. Пару раз Петрухин что-то слышал о нем от общих знакомых... не более того. И вот вчера вечером Костя позвонил, попросил о встрече.

— У тебя дело какое-то, Костя? — спросил Петрухин.

— Да. Дело. И, кстати, серьезное дело.

— Ага... А ты знаешь, что я со службы ушел?

Я теперь у Брюнета.

— Знаю. Весьма о тебе наслышан, — ответил Зеленцов. — Ну так что, Митя?

Заходи завтра. Часам к девяти устроит? Зеленцова устроило. Сейчас он сидел в кресле напротив Петрухина. Даже в дорогом солидном костюме Костя все равно напоминал голодного рыжего кота на промысле. Потрапались, вспоминая старых знакомых и

старые дела, потом перешли к настоящему.

– Ну так что там у тебя? – спросил Петрухин.

– Атеросклероз, гипертония, остеохондроз, – ответил Зеленцов весело. И серьезно добавил:

– Херово, Митя. Очень херово. Без твоей помощи никак не обойтись. Поможешь?

– Да что случилось-то, Костя?

– Папу нашего завалили неделю назад. Неужели не слыхал?

– Может, и слыхал… а что за конь с горы твой папик?

– Образцов… выстрел на Казанской неделю назад. Слыхал?

Петрухин присвистнул, Купцов отодвинул в сторону папку с бумагами. Образцов! Еще бы не слышать. Образцов – это почти империя. Это поставки продуктов из Европы, это несколько ночных баров и дискотек, склады, рынки, автоперевозки. Шестого июля выстрел снайпера все это перечеркнул… Склады, набитые европейской жратвой, остались. И грузовые фуры остались. И дискотеки никуда не делись. Но Николаю Николаевичу Образцову по прозвищу Людоед они уже были не нужны.

– Понятно, – сказал Петрухин. – Про твоего папу, конечно, слышали. Как не слыхать? И газеты, и ТВ – все отметились. Громкое дело.

– Громкое, – согласился Зеленцов. – А для меня так просто оглушительное. Меня же мои кормильцы на куски рвут: ты, бля, служба безопасности, а папу не уберег… ты за что бабки получаешь? Я им, баранам, объясняю, что стопроцентной безопасности не бывает, что даже президентов США валят… Да куда там?! Разве им чего объяснишь? Они же обделались от страха. Каждый про себя думает: сегодня Людоеда, а завтра? Завтра – меня? Даже премию установили за раскрытие.

– Сколько? – поинтересовался Петрухин.

– Десять тонн.

– Зелени?

– Нет, бля, деревянных… Не задавай, Митя, дурных вопросов. Конечно, зелени. Они думают, что это ментов подхлестнет, – сказал Зеленцов и подергал себя за ус, поморщился.

– Ну и как – подхлестнуло? – снова по-интесовался Петрухин.

– Митя! Я тебя умоляю. Птичка-то – глухарек… кому это нужно? Ты же все понимаешь… А мои хозяева как взбесились: обеспечь безопасность! Дай результат любой ценой. Им теперь со всех сторон снайперы чудятся, киллеры-шмиллеры. Беда, мужики… беда. Берут меня за горло. А ты же меня, Митька, знаешь: я всю жизнь воров

ловил... Какие, к черту, киллеры? – Зеленцов помолчал, потом спросил:

– Ну что, возьмется?

– За десять тонн зеленых? Можно попробовать.

Брюнет дал свое принципиальное согласие. С оговоркой: не в ущерб интересам дела. Потом поинтересовался:

– Вам что – денег не хватает?

– Денег всегда не хватает. Но в данном случае не в деньгах дело, Виктор... Тем более что успех не гарантирован. А соответственно, не гарантировано и вознаграждение.

– Если дело не в деньгах, то в чем?

– Ремесло у нас такое, – улыбнулся Петрухин.

– Работайте... ремесленники, – сказал Брюнет. – Но не в ущерб делу.

– Ущерба не будет. Один из нас все время остается «на хозяйстве». Это во-первых. Во-вторых, ежели мы поднимем дело, ты, господин олигарх, поднимешь свой авторитет.

– Каким боком тут мой авторитет?

– А как же? – сказал Петрухин. – Сам посуди, Витя: в городе уже ходят разговоры, что, мол, Брюнет обзавелся собственной профессиональной службой безопасности. Убийство Нокаута раскрыли. А ежели мы классическую заказуху сумеем поднять? А? Любой самый беспредельный отморозок скажет: эге, а с Витькой-Брюнетом лучше не вязаться.

– Убедили, – с улыбкой хлопнул ладонью по столу Голубков. – Поднимайте свою заказуху... и мой авторитет.

Купцов и Петрухин двинулись к двери.

– Кстати, – сказал Брюнет. Партнеры остановились. – Кстати... какое вознаграждение установил «Феникс» за Образцова?

– Десять тысяч баксов, – ответил Петрухин.

Петрухин:

Мы поехали в главный офис этого «Феникса». Место они отхватили козырное – в самом центре, в сотне метров от Казанского собора. Офисы здесь стоят бешеных денег, и далеко не каждая фирма может позволить себе офис в таком месте. Зато если сможет – это сразу наглядно демонстрирует вес фирмы.

У подъезда, где угнездилась птичка «Феникс», остановиться было негде. То есть свободные места были, но, как и «положено»,

не для всех. Пустующие места были закрыты табличками с надписью "ЗАО «Феникс». Я вкатился на пустующее место и почти уперся бампером в табличку. Просигналил. Почти сразу распахнулась дверь с черным зеркальным стеклом и золотым изображением птицы, обятой пламенем... распахнулась дверь, и из нее вышел вразвалку молодой мордатый бык в черной униформе, темных очках и, разумеется, с дубинкой. Бык остановился возле двери, ткнул концом дубинки в мой «фолькс», а потом сделал пренебрежительное движение: пошел вон!

Я снова коротко посигналил и подал свой автобус на несколько сантиметров вперед, на «фишку». Морда у быка вытянулась. Пару секунд он рассматривал меня с некоторым удивлением: что, мол, это за урод такой? Потом решительно направился к нам. На груди быка горела золотом огненная птица. Я опустил боковое стекло, бычара подошел.

— Здесь нельзя стоять, — сказал он нейтрально. Видимо, не мог понять, как к нам относиться. — Это стоянка фирмы.

— Мы как раз на фирму приехали, — сказал я. — Убирай свою «фишку».

— На фирму? — спросил бык. — А по какому вопросу?

— А может, мне объяснительную на твое имя написать? — поинтересовался я, и этот аргумент показался ему самым весомым.

Он кашлянул «деликатно» — в огромный кулак с перстнем турецкого золота — и убрал табличку. Я поставил «микрик» на освободившееся место. Между двумя одинаковыми, сверкающими «Вольво-850» общарпанный «фольксваген» выглядел... не очень. Бык снова ощущил сомнения: того, ли он на стоянку пустил? — и двинулся к «фольксу». Но из дверей офиса уже вышел Костя Зеленцов и направился к нам.

На асфальте возле входа в офис стояла керамическая ваза с красными розами. Рядом, накрытая стеклянным колпаком, горела свеча.

— Здесь? — спросил я Костю.

— Здесь, — кивнул он.

— А где обычно он парковался?

— Там, где сейчас ты встал. Это его постоянное место.

М— да, это не есть гут. От того места, где я воткнул «фолькс», до дверей офиса пять-шесть метров. Соответственно, у снайпера было всего пять-шесть секунд. Не больше. А ежели этот Людоед был мужик энергичный, то и того меньше... И тем не менее снайпер успешно вогнал пулю ему в голову на полпути между машиной и

офисом.

...Огонек свечи в стеклянном колпаке горел ровно, идеальной формы язычок пламени был вытянут вверх. Он казался наконечником копья и указывал строго в высокое небо. Оттуда, с высоты, прозвучал выстрел. Один. Всего один. И здесь, на самом дне улицы, рухнул на асфальт человек.

Я посмотрел наверх, на серую громадину дома, откуда прилетела пуля... а ведь что-то в этом есть!

Что—то есть! Я еще не понял, что именно, но что-то меня заинтересовало.

— Откуда стреляли? — спросил я.

Костя погладил усы и показал желтым никотиновым пальцем:

— С чердака. Третье окошко слева. Хочешь посмотреть место?

— Конечно, хочу.

Костя кивнул, и мы пошли в подъезд дома напротив. Лифта там не было, и подъем на пятый этаж большого удовольствия не доставил. Потолки в этих домах высотой под пять метров, плюс толщина межэтажных перекрытий — этаж выходит как два в наших «хрущевках».

На четвертом Костя остановился отдохнуть.

— Ты чего, — спросил я, — с похмелья?

— Я ж тебе говорю: облитерирующий атеросклероз нижних конечностей, — ответил Костя. — Бросать курить надо.

— А чего ж не бросаешь?

— Бросишь тут... Вот подохну, тогда и брошу.

— Логично, — сказал Купец. Мы стояли на лестничной площадке, ждали, пока Костя отдохнет. Солнечный свет проникал с улицы сквозь плохо вымытые окна. Внизу стояли автомобили, прогуливаясь охранник и горела свеча в стеклянном колпаке. Огонек свечи казался желтым лепестком на асфальте. Где-то я читал, что пламя свечи символически обозначает душу покойного... Не знаю, была ли у Образцова (известного больше по прозвищу Людоед) душа... не знаю, но жизнь-то у него была всего одна. Ее отобрали. Жестоко, умело, профессионально.

Мне, признаться, нисколько было не жаль души и жизни Людоеда. Он мне не очень интересен. А вот тот, кто оборвал его жизнь — напротив, — интересен безмерно. Потому что он очень ловко управляет с винтовкой и, возможно, сделал свое искусство образом и способом жизни. Именно поэтому его нужно найти и остановить. — Пошли, что ли? — сказал Костя. И мы пошли. Внизу, на дне уличного каньона, трепетала свеча, алели розы.

После московских взрывов в девяносто девятом всех – и власти, и обывателей – охватила паника. Подвалы и чердаки подверглись «ревизии» и закрылись на замки. Бомжам тогда несладко пришлось. Но, как в России водится, постепенно бдительность и властей, и обывателей сошла на нет... Вход на чердак был открыт.

Пригибаясь, чтобы не удариться головой, пролезли в низкую и узкую дверь. Чердак выглядел сплошным пересечением балок, стропил и дымоходов. Пыльный воздух прошивали косые солнечные лучи и тревожное голубиное воркование.

– Там, – показал рукой Зеленцов на яркий квадрат слухового окна.

Петрухин и Купцов двинулись к окну, Зеленцов остался у двери, прикуривая.

– Вот именно отсюда он и работал, – сказал Костя. – Сделал всего один выстрел. Наповал. В голову. Бросил винтовку и слинял.

– А что за винтовка? – спросил Петрухин.

– «Вепрь». Конверсионная штука на базе РПК {ручной пулемет Калашникова}. Выпускает их Вятско-Полянский завод «Молот». Очень мощная машина под патрон 7,62x51... С оптикой, с пятизарядным магазином. В магазине было еще два патрона. Вот, пожалуй, и все... Да, кроме винтаря он оставил пару нитяных перчаток.

Петрухин встал возле окна, взялся за шпингалет со следами порошка для дактилоскопии, распахнул створку. В пыльный чердачный воздух добавились запах бензина и нагретого асфальта, ворвались приглушенные расстоянием звуки улицы. Петрухин высыпался, посмотрел вниз – туда, где мерцала свеча, символизирующая душу Людоеда. Петрухин «поднял к плечу» воображаемый карабин и «прицелился» в свечу. Букет роз напоминал брызги крови.

После экскурсии на чердак спустились вниз, прошли в офис «Феникса». Мордатый охранник, видя, как запросто общаются Петрухин и Купцов с его шефом, стал воплощением любезности. Или, во всяком случае, оскалился, что должно было, видимо, обозначать улыбку. Зубы, отбеленные постоянным употреблением резинки, сияли.

Прошли в кабинет Зеленцова, в царство кондиционерной прохлады и безликой офисной мебели.

– Напитки, – сказал, открывая бар, Костя, – в шикарном ассор-

тименте, коллеги. От минералки через пиво к виски. Кому что?

Купцов попросил минералки, Петрухин – пива.

– Ну, – спросил Зеленцов, – какие выводы, господа сыщики?

– Классно твоего Людоеда завалили, – сказал Петрухин. – Хороший убой.

– И это все?

– На данный момент практически все.

– Крутко.

– А чего, Костя, ты хотел? Ты думал, что мы придем, как Шерлок Холмс с доктором Ватсоном, выкурим трубку, на чердаке поводим туда-сюда жалом и назовем фамилию убийцы? Ты же отлично знаешь, что так не бывает.

Верно?

– Верно, – кисло сказал Зеленцов и закурил очередную сигарету.

– Давайте прикинем, что у нас есть, – сказал Купцов. – А есть у нас вот какой сюжетец: шестого июля в девять ноль три выстрелом снайпера был убит Образцов Николай Николаевич. Убийцу никто не видел – так?

– Так.

– Из улик есть только оружие и перчатки. Про перчатки ничего не скажу, а вот оружие в достаточной степени редкое. Тут возможны какие-то зацепки…

– Да хрен там, – сказал, перебивая Петрухин. – Они тоже отлично понимают, что оружие редкое. «Вепрь» – это вам не АКМ. Поэтому они наверняка использовали такой ствол, который ничего нам не даст. Возможно, он вообще левой сборки.

– Толково, – согласился Купцов. – Думаю, что ты, Дима, прав. Да нас, кстати, этот «Вепрь» не особо интересует, потому что он в руках следствия и нас к нему не допустят. Вот, мужики, и все, что у нас есть… А ты, Костя, можешь еще что-нибудь добавить?

Зеленцов пожал плечами: что, мол, тут добавишь? Он был, в общем-то, признателен коллегам за то, что они не задавали дурацких вопросов типа: были ли у покойного враги? Не получал ли он угроз последнее время? Кому может быть выгодна смерть Людоеда? Константин Зеленцов был опером и отлично понимал, что сейчас они столкнулись с классической заказухой. Раскрывают такие убийства крайне редко. Причин тому много как объективных, так и субъективных… Это тема отдельного разговора.

– Значит, – сказал Костя, – не возбуждает дело?

Петрухин хлебнул пива, ответил:

– Извини, Константин, но… ты же сам все понимаешь. Реальных